

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Каплин А. Д. Проблемы периодизации русской общественной мысли XIX - начала XX вв. // Проблeми періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Харків: НМЦ “СД”, 2002. – Вип. 5. – С. 32 – 37.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX–начала XX вв.

Даже беглый взгляд на историю общественной мысли приводит к выводу, что ее периодизация (там, где она уместна) является делом необходимым и полезным (иллюстрацией тому являются и довольно острые фрагменты статьи Л. В. Таран в предыдущем выпуске Харьковского историографического сборника [1, с. 39–40]). Но конкретные опыты **редко когда принимаются** без критики и скептицизма. Не потому ли так **характерны для отечественной** пореволюционной историографии XX в. дискуссии (причем порой многолетние: см. напр. «Вопросы истории» 1954–1956 гг. и т. д.), где наряду с периодизацией самого исторического процесса неизбежно затрагивается и история общественной мысли. О некоторых актуальных проблемах методологии и историографии периодизации на материале русской общественной мысли XIX–нач. XX вв. и пойдет речь в данной статье.

Периодизацию (как метод) недостаточно сводить только к приемам и способам познания. Под ней прежде всего точнее понимать путь, принятый с целью получения более достоверного знания, которое тоже, в свою очередь, нельзя считать абсолютно достигнутой истиной (напомним мысль А. П. Флоренского о том, что «всякое суждение и всякое умозаключение в области исторических наук есть суждение с коэффициентом вероятности» [2, с. 546]). Т. е. обращение к любому конкретному методу уместно и оправдано в тех случаях, когда уже испытанные пути, способы, приемы не дали удовлетворительного ответа и объективные (в идеале) потребности (в совокупности со многими другими факторами, как-то: воздействием на историческую науку и конкретного ученого политики, идеологии, общественного сознания, «духа времени», различных традиций и т. д., в сочетании с личными мотивами, целями, способностями, возможностями и т. д.) заставляют искать и опробовать новые. При этом важнейшее значение имеют принципы как исходные категории.

Советская историческая наука со временем определилась с тем кругом принципов, которые она признала не просто «своими», но именно «истинно научными» (ибо они были сформулированы, как считалось, на основе самой передовой теории). Но эти же принципы (коммунистической партийности, историзма, объективности), как и другие, были известны значительно ранее. Другое дело, что тотальность их трак-

товки и применения в предшествующие времена ни в какое сравнение не могла идти с тем, что происходило в советский период. В условиях подавления могущей себя свободно выразить научной мысли, организуемые и направляемые дискуссии о периодизации исторического процесса и самой науки приводили к тому, что периодизация зачастую использовалась для закрепления установленных господствующей идеологией догм.

Так, предшествующий катастрофическому падению (1917 г.) русской народности и государственности столетний период стал рассматриваться с точки зрения трех этапов «освободительного движения в России», где на каждом отрезке были указаны наиболее «прогрессивные» (т. е. наиболее поработавшие на ниве разрушения ненавистных духовно-народного устройства и государственного строя) деятели и направления. Им-то и придавалось главным образом первостепенное значение, хотя не забывались представители и иных течений, также способствовавших если и не «Революции» в целом (в определении Ф. И. Тютчева), то ее основному стремлению.

Но принцип марксистской коммунистической партийности, с его воинствующим в первую очередь антихристианством (см. не потерявшую своего значения статью С. Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип» [3]*), проведенный последовательно, бескомпромиссно и непротиворечиво неизбежно должен был привести к полному уничтожению основанной на этой традиции русской общественной мысли. Это предполагалось как дело ближайшего времени. Что же касается ее дореволюционной истории, то тут задача была интеллектуально сложнее. Ведь даже такие величины «освободительного движения», как В. Г. Белинский и А. И. Герцен, были всего лишь «разочарованными» (имеем в виду осмысление А. В. Михайловым термина из ранней работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права»), т. е. «разочарованными». А от этих «чар» освободиться было не так-то просто, достаточно вспомнить «позднего» Герцена или монархиста (но бывшего революционера) Л. Тихомирова.

То есть, конкретная обстановка России XIX–нач. XX вв. и действительно существовавшая в ней общественная мысль даже при самом грубом насилии над исторической жизнью и памятью не могли полностью более-менее непротиворечиво поместиться в предложенной периодизации (явный несправедливый интерес к тому, что напишут в СССР об исторической России проявляла эмиграция [см. напр.: 5, с. 146–159]). Естественно, что макропериодизации потребовались иные схемы, вы-

*Справедливости ради, заметим, что антихристианство было характерным и для многих других мыслителей, поэтов и т. д. предшественников, современников К. Маркса, например, Гете [см.: 4].

нужденные считаться со сложным историческим контекстом. Приходилось учитывать и существующие литературные репутации (попытки их исследования в начале 20-х годов XX в. предпринял И. Н. Розанов [6]). И они не только не были отвергнуты победившей методологией, но и довольно внешне формально непротиворечиво вписаны в «борьбу идей и направлений» (на что М. М. Бахтин позднее заметил: «...из необозримого мира литературы наука (и культурное сознание) XIX века выделила лишь маленький мирок (мы его еще сузили). <...> Мы обедняем прошлое и не обогащаемся сами. Мы задыхаемся в плену узких и однотипных осмыслений» [7, с. 364]). Так была взята на вооружение уже существовавшая в дореволюционное время схема о противостоянии «западничества» и «славянофильства» как одна из основных проблем общественной мысли середины–второй половины XIX столетия.

Следовательно, утверждавшиеся с 20–30-х годов XX в. воззрения на периодизацию русской общественной мысли не были лишь выдумкой советских историков. До них были работы «первого русского марксиста» Г. В. Плеханова, который сам был лишь одним из продолжателей сказанного задолго до него революционными демократами и «западниками» вообще, которые (как Герцен) хоть и говорили, что у них со «славянофилами» «сердце билось одно», но, конечно, в духовном смысле их разделяла «церковная стена».

Но в утвердившейся периодизации русской общественной мысли в связи с историческим процессом вообще не все (формально и по сути) является в целом неверным (и 1825 г., и 1861 г., с каких оснований ни исследуй, а вехи заметные). Тонкость в другом: какова эта связь мысли с другими факторами, как она проявлялась в действительности, насколько органично и корректно это учитывается исторической наукой и для утверждения и обоснования каких положений потом используется. В рассматриваемом же нами вопросе принципами и критериями периодизации были избраны такие понятия, которые **воинственно сознательно** были направлены на искажение истинного положения дел.

В итоге самое обоснованное и укорененное в русской православной традиции направление, к которому «злохитростно» (выражение Д. А. Хомякова) Белинский и другие противники приставили кличку «славянофильства» (и которое же сами представители этого направления, его истинные продолжатели и отстаиватели, называли не иначе как «православно-русским», «исчерпывательно» разработавшим «сущность культурной русской народности» [8, с. 188], было объявлено **порождением лишь** конкретных условий 30–50-х годов XIX столетия. С изменением же этих условий было констатирувано, что славянофильство **«загнило», «выродилось» и «умерло», а поэтому «поминки по славянофильству»** начали справлять чуть ли не сразу после кончины **даже еще не всех его «творцов».**

В конце концов в предреволюционной историографии возобладало мнение о наличии нескольких (по крайней мере двух) «славянофильств»: «раннего», «классического», «истинного» (но, конечно, не в смысле признанного за истину или соответствующему истине) славянофильства в лице лично честных, искренних, благородных, но почти во всем (кроме желания отмены крепостного права да требования свободы слова) заблуждавшихся мечтателей в лице А. С. Хомякова и его приятелей, и славянофильства «позднего» («эпигонов», «националистов», «панславистов», явно слепых ретроградов, а то и «обскурантов»). Естественно, что при таком подходе к так называемому славянофильству и внутренняя периодизация подчинялась раз и (как считалось) навсегда заготовленному трафарету.

Наиболее вдумчивые историки (такие как К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович и нек. др. [9, 10]) пытались противостоять явно необъективной в отношении славянофильства тенденции, становящейся почти общепринятой в историографии конца XIX в. Но изменить ее было чрезвычайно сложно. Ибо связано это было с гораздо более глубинными процессами. Очень показательны в этом отношении рассуждения и деятельность П. А. Флоренского. Он полагал, что XIX в. как век исторической критики «изменил характер неверия против Церкви и из области философии перенес борьбу в область истории», в итоге «критика знания» произвела в XX в. «критику методов знания» [2, с. 544, 545]. Глубоко осознавая значимость предания и отрицательно относясь к «самоточности» в культуре, П. А. Флоренский в славянофилах с их соборностью сознания (являющей себя как «преемство») усматривает наиболее «здоровое и жизнеспособное» из всех направлений [11, с. 469]. А потому он считает, что и «преемство самого славянофильства не может не быть в этом понимании жизни неперменным требованием, почти критерием истинности» [12, с. 557]. Неудивительно, что, став в 1912 г. редактором «Богословского вестника», П. А. Флоренский предполагает привлечь к сотрудничеству в журнале одними из первых Д. А. Хомякова (сына А. С. Хомякова) и Ф. Д. Самарина (племянника Ю. Ф. Самарина).

Отметим весьма о многом говорящие не случайные факты: как накануне 1861 г. почти все «зовомые» славянофилы (за исключением Ю. Ф. Самарина) сошли в могилу, так и в годы революции (или чуть раньше) их дети, родственники (немногие другие продолжатели и хранители духа «православно-русского направления») закончили земной путь. В последние два десятилетия историкам было не до них. Шла борьба за утверждение марксистской методологии, а ее союзниками и помощниками из середины века предшествующего могли быть и стали западники.

О славянофилах же заговорили лишь в начале Второй мировой войны. Но периодизация (с отнесением «зарождения» и «начала» «славянофильства» к концу 30-х годов XIX ст., делением на «раннее» и «по-

зднее» и т. п.) оставалась в дальнейшем практически неизменной [13, с. 88–89] (внутренняя, более детальная периодизация не в счет, тут и в дальнейшем продолжалось обсуждение нюансов, но оно не влияло на существо подхода [14, с. 85–91]).

В последнее десятилетие интерес (особенно среди филологов, философов, культурологов) к славянофильству резко возрос (в картотеке автора, составленной при участии проф. В. А. Воропаева, насчитывается более сотни названий этих исследований). И нельзя не обратить внимание на то, что некритически воспринятые традиции периодизации славянофильства продолжают существовать в современной историографии, что, конечно же, не способствует более углубленному пониманию русской общественной мысли.

А между тем накопилось немало число весьма важных положений, могущих кардинально изменить понимание русской мысли и естественно отразиться на критериях ее периодизации. Это и наследие по методологии, терминологии истории П. А. Флоренского, и полные глубоких мыслей труды А. Ф. Лосева, и культурологические и историософские работы М. М. Бахтина, А. В. Михайлова, М. В. Назарова, почти не прочитанное наследие целого ряда других почти не упоминаемых мыслителей, о чем весьма квалифицированно в последнее время сказал Н. П. Ильин [15].

В данной статье мы не коснулись других течений и направлений русской общественной мысли, будь то теория «официальной народности», «почвенничество», «народничество»... Да и вопрос о славянофильстве неизбежно побуждает говорить о проблеме «украинского славянофильства», взаимоотношениях П. А. Кулиша, М. А. Максимовича, Т. Г. Шевченко и др. с «московскими славянофилами». Но и сказанного, видимо, достаточно для того, чтобы убедиться, сколь непросто (несмотря на обманчивую видимость) метод периодизации, неосторожное пользование которым может привести (и приводит) к искажению представлений как самих ученых, так и доверившихся им читателей.

Литература

1. Таран Л. В. Школа «Анналів», сучасні підходи в історичній науці (закінчення) // Категоріальний апарат історичної науки. Харк. історіогр. зб. — Вип. 4. — Харків, 2000.
2. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины (II). — М., 1990.
3. Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип // Наш современник. — 1990. — № 11.
4. Соловьев С., свящ. Гете и христианство // Богословский вестник. — 1917. — № 2–3, 4–5.
5. Федотов Г. П. Православие и историческая критика. Александр Невский и Карл Маркс. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. — 1990. — № 8.

6. *Розанов И. Н.* Литературные репутации. Работы разных лет. — М., 1990.
7. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М., 1986.
8. *Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность. — Монреаль, 1983.
9. См. *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. — Юрьев, 1899.
10. *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — Изд. 3-е. — СПб., 1901.
11. *Несколько писем Ф. Д. Самарина к свящ. П. А. Флоренскому* // Богословский вестник. — 1917. — № 4–5.
12. *Феодору Дмитриевичу Самарину от друзей* // Богословский вестник. — 1916. — № 10–12.
13. *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // Историк-марксист. — 1941. — № 1.
14. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). — М., 1986.
15. *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии // Москва. — 2001. — № 3–8.